

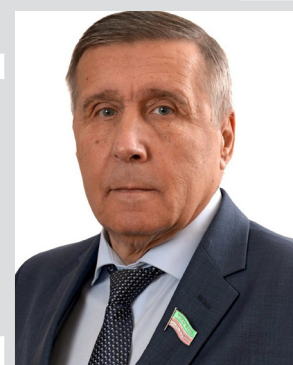
УДК 343.9.01:930.85

DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-136-140

Генезис уголовно-правовых запретов

Скоробогатов А.В.

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

Рыбушкин Н.Н.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена исследованию генезиса уголовно-правовых запретов в аксиологическом измерении. Актуальность определяется значением уголовно-правовых запретов в обеспечении национальной безопасности, законности и правопорядка в России. Цель статьи заключается в комплексном исследовании генезиса уголовно-правового запрета как средства правового регулирования общественных отношений в историческом и социокультурном контекстах. На основе адаптации теории культурной криминологии Дж. Фаррела к изучению формирования и функционирования первичных запретов сделан вывод, что генезис уголовно-правовых запретов происходил в процессе социокультурной эволюции и был детерминирован ценностными установками общественного сознания.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, запрещающая норма, аксиология права, правообразование, правовая культура, мононорма, культурная криминология

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Генезис уголовно-правовых запретов // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 136–140. DOI: 10.24412/1998-5533-2024-3-136-140.

Транзитивный характер правовой реальности России, большая роль в организации и функционировании правовой системы общества и организации правовой жизни граждан архетипов обуславливает необходимость ретроспективных правовых исследований не только догматической, но и социально-культурной направленности. Одним из направлений таких исследований является изучение уголовно-правового запрета как средства правового регулирования общественных отношений и способа воздействия на сознание и поведение субъектов права, направленное на формирование ценностных

установок правомерного поведения и эффективной правовой коммуникации в социуме не только в современных условиях, но и в темпоральном аспекте. Прежде всего, речь идет об изучении генезиса уголовно-правовых запретов, трансформации первоначальных социальных запретительных правил в юридические запреты. Такой подход позволяет выявить интенциональность правообразования и экспликацию в этом процессе не только социальных потребностей, но и интересов отдельного человека.

Методологически статья основана на идеях культурной криминологии, сформулированных

Дж. Фаррелом, в соответствии с которыми смысл преступных деяний и противодействия им определяется культурной динамикой [1, р. 1–24]. Это позволяет исследовать проблемы уголовно-правовых запретов не только в телеологическом контексте обеспечения правопорядка, но и с позиций экспликации в уголовно-правовой политике социокультурной интенциональности.

Регулирование взаимодействий между людьми с самого начала обособления человека от животного мира включало в себя социальный аспект, связанный с тем, что любое действие не только затрагивало индивидуальные интересы, но и касалось коллективных потребностей, влияя на формирование, развитие и функционирование символического порядка, который был эксплицирован в культуре общества.

Формируемая при этом ценностно-нормативная система была направлена не только на борьбу с силами природы и выживание человека во враждебном мире, но и способствовала организации социальной, а затем и правовой коммуникации в социуме, обеспечивая максимально возможное бесконфликтное сосуществование, конструктивное взаимодействие отдельных лиц и эффективное развитие общества в целом. Результатом социальных практик стало появление специфических культурных идиом, находящихся выражение в коллективных верованиях, мифах, ритуалах, законах, обычаях, правилах брака, определенных модальностях экономического обмена, формах производства и потребления, формах вежливости и т.д., деконструкция которых позволяет выявить роль культуры как когнитивно-оценочной системы в правообразовании. Структурируя реальность, культура подчиняет ее логической системе форм. Удовлетворение даже биологических потребностей человека одновременно означает конструирование социального мира, в котором эти потребности могут быть удовлетворены. Минимальная стандартность, предсказуемость, надежность и общая понятность поведения окружающих давала каждому человеку определенную гарантию безопасности.

Определяющую роль в этой стандартизации принадлежала запретам, которые в условиях господства моонорматики носили недифференцированный характер [2]. С одной стороны, это не позволяет не только разграничить моральные, религиозные, правовые и иные запреты, но и провести демаркацию запретительных норм по отраслевой принадлежности. С другой стороны, смысл, содержание и значение в регулировании социальных взаимодействий первоначальных запретов позволяет их рассматривать именно в контексте генезиса уголовно-правовых норм.

При этом необходимо учитывать, что смысл запрета носит не универсальный, а тем более объективный характер; его сущность определяется

уровнем социокультурного развития общества и господствующей системой правовых ценностей, являющейся конвенциональным результатом социального взаимодействия по поводу действий, которые направлены на достижение бесконфликтного и непротиворечивого сосуществования и сложились в процессе правовой коммуникации, эффективность которых апробирована опытом предков. Тем самым социокультурная среда формирует стереотипы правового поведения индивида и правового взаимодействия в социуме и обеспечивает их соблюдение на практике, ориентируя человека на то, что данные деяния являются наиболее правильным и единственно возможным вариантом поступков человека, способствующих как достижению его интересов, так и удовлетворению потребностей общества. Запрет в этом смысле выступает единым объектом, по отношению к которому устанавливается связь между субъектами, стремящимися реализовать свои разнонаправленные интересы [3, с. 232]. Целью социальной динамики при этом является достижение солидарности и недопущение хаоса и аномии.

Это позволяет избежать бинарности оппозиции категорий ситуативно/целенаправленно. С одной стороны, индивид в той или иной ситуации стремится выбрать вариант действий, который бы с минимальными затратами позволил максимально удовлетворить его потребности или преодолеть возможные негативные последствия. С другой стороны, смысл этих действий продиктован не только интересами человека, но и детерминирован его правовой культурой, содержание которой определяется его социальной идентификацией. Соблюдение социальных (правовых) запретов гарантировало индивиду вхождение в социум и его восприятие последним в качестве полноценного члена, выполняющего определенную социальную роль. С этим связано, например, соблюдение целого ряда запретов при прохождении обряда инициации, цель которой постепенно трансформировалась из исключительно социальной в сакральную [4]. В процессе инициации происходила не только проверка неофита на знание и соблюдение правил и навыков взаимодействия с другими лицами, обществом и окружающей действительностью, но и психологическая перестройка индивида [5], который осознавал свою принадлежность к социуму именно через соблюдение правил, прежде всего, запретительного характера, с одной стороны, и зависимость социального пространства от действий каждого человека – с другой. При этом личные качества человека не играли существенной роли. Он должен был совершить строго определенный набор действий, соблюдение порядка и содержания которых должно было подчеркнуть готовность индивида к стандартизации поведения и социальной коммуникации не только потенциально, но и реально.

По мере формирования социума была сконструирована система запретов, которая включала в себя: (1) табу на действия (например, на общение с представителями других племен, которые являются потенциальными носителями «негативной» магии, способной нанести вред тем, кто сталкивается с ней); (2) табу на отдельные категории людей (на вождей и правителей: на них запрещалось смотреть, что связано с изоляцией «богочеловека»; для женщин: отдельно отведенные места их пребывания); на убийц или палачей (социальная изоляция, поскольку души убитых преследовали их); (3) табу на предметы и вещи (на железо, на острое оружие, на кровь, на волосы или ногти при обрезании, на узлы или кольца); (4) табу на слова (запрет на собственные имена, на имена больных родственников или покойников) [6]. Хотя нарушение этих запретов предполагало нравственно-правовое наказание, вплоть до исключения человека из общества (изгнание, смертная казнь), их соблюдение обеспечивалось не только страхом, но и ценностными ориентирами сознания.

Первичные запреты, как и другие правила поведения, которые существовали в догосударственном обществе, не были навязаны сознанию человека извне, а с детских лет имелись в его сознании, памяти, воспринимались не как что-то ограничивающее, а как проявление собственных сил индивида, или то, что не противоречит его личным интересам. Человек не испытывал потребность отступать от этих правил, вести себя иначе, чем приписано обычаями общества, поскольку они были созданы в интересах всего коллектива.

Конструирование запретов, соблюдение которых и позволяет обеспечить безопасность социального (а впоследствии правового) взаимодействия, удовлетворение потребностей общества и интересов человека, с одной стороны, эксплицирует социальный контекст с учетом его генезиса и эволюции, а с другой – детерминирует нормативно-ценностную интенциональность пространственно-временного континуума.

Фундаментальные запреты обеспечивают стабильность, эффективность и безопасность социального развития и выступают как императивы исключения и классификационные принципы. Необходимо учитывать, что категории «плохого» или «преступного» имеют не столько естественную, биологическую природу, сколько выступают социальными конструктами. Запрет совершения каких-либо действий как «неправильных» детерминирован потребностями общества и артикулирует ограничение на совершение действий, которые противоречат системе социальных ценностей. Эти запреты устанавливают различия, которые делают возможными ценности, обмены и основные роли культурного порядка. В значительной степени это соответствует врожденной потребности человека

минимизировать возможные варианты поведения [7, с. 231], в т.ч. ограничительного характера. Речь идет о конструировании специфичного симулякра социальной реальности – максимально беспробельного и бесколлизийного общественного порядка, в котором на каждый вопрос существует только один правильный ответ.

Однако для того, чтобы запреты могли обозначать границы культуры, они должны стать трансцендентными. Это может произойти только через их мифологизацию: недостаточно кодифицировать запрет, он должен быть социализирован на мифологическом языке. Именно этот дискурс посредством своей институционализации и пенализации формирует фиксированные рамки, способные организовать действие, интерпретацию и аффекты субъектов, к которым он обращается. При этом конструируется историко-правовой нарратив, для которого характерно, с одной стороны, темпоральное отношение к прошлому, из которого выбираются лишь те факты, события и действия человека, которые имели позитивный результат и способствовали эффективной правовой и социальной коммуникации и обеспечению безопасности общества, с другой – отсылка к авторитету предков, в действиях которых данные деяния прошли апробацию, имеет сакральный характер. Тем самым историко-правовая реальность приобретает черты универсума, в котором четко определены социальные роли каждого индивида в соответствии с его биологической природой и потребностями общества. Эти роли включают в себя набор целесообразных действий казуальной интенциональности, на первое место среди которых выступают запреты, определяющие содержание правового нарратива [8, с. 73].

Соблюдение таких запретов было детерминировано не только социальной демаркацией разрешенных действий индивида, но и его убеждением в том, что данные действия являются единственно возможным и наиболее правильным вариантом поведения, необходимым условием эффективного правового взаимодействия и безопасности общества. Формирование подобных ценностных установок осуществлялось в процессе не только первичной, но и вторичной правовой социализации. Участвуя в социальных практиках индивид получал информацию, что в той или иной ситуации признаются, поощряются и являются необходимыми именно те действия, знания о которых он получил в ходе первичной социализации и которые были апробированы социальным опытом предыдущих поколений.

В этом смысле именно первичные фундаментальные запреты можно считать одной из определяющих черт, отличающих человека от животного. Если для животного мира запреты продиктованы исключительно биологическими факторами, то для человека на первое место выступают социальные

потребности, которым подчинены интересы отдельного человека, в т.ч. биологического характера. Преодоление рецидивов «зоологического индивидуализма» происходило в процессе правовой социализации.

Легальность первичных запретов обеспечивалась не только их признанием и(или) установлением социумом, но и трансляцией правовой информации о запретах в процессе первичной правовой социализации. Освоение данной информации и формирование на ее основе ценностных установок проверялась в ходе инициации. Однако процесс освоения запретов носил открытый характер и продолжался во взрослом состоянии человека, хотя вторичная правовая социализация носила более избирательный характер и была детерминирована социальной ролью индивида [9].

Легитимность запретов была детерминирована их сакральным статусом как правил, опосредованных опытом предков и в силу этого определяющих бытие человека и общества в правовой реальности. С одной стороны, историко-правовой характер конструирования запретов подчеркивал участие в этом процессе большинства членов социума и их соответствие потребностям сообщества. С другой стороны, признание этих запретов и их восприятие в качестве ценностных установок сознания и поведения, а также совершение действий, на них основанных, должно было означать социальную идентификацию человека.

Таким образом, генезис уголовно-правовых запретов происходил в процессе социокультурной эволюции и был детерминирован ценностными установками коллективного сознания. Освоение правовой информации о смысле, содержании и значении запретов в организации социального пространства, обеспечении правопорядка и безопасности происходило в процессе правовой социализации, благодаря которой осуществлялась социальная идентификация человека и нивелировалась бинарность оппозиции ситуативно/целенаправленно в его действиях. Соблюдение запретов обеспечивалось

ценностными установками человека, что данные действия являются единственно возможным и наиболее целесообразным вариантом поведения, обеспечивающим эффективное развитие и функционирование общества, членом которого он является.

Литература:

1. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology: An Invitation. London: Sage, 2008. 240 p.
2. Муромцев Г.И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 93–96.
3. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: моногр. СПб.: Алетей, 2015. 448 с.
4. Головкин А.В. Инициация как ритуальная практика // Система ценностей современного общества. 2016. № 46. С. 13–18.
5. Филиппов Ю.В., Фирсова А.М. Юношеская возрастная инициация в структуре социальной самоидентификации личности // Мир психологии. 2005. № 3(43). С. 90–103.
6. Bauman Z. Culture as Praxis. London: Sage, 1999. 148 p.
7. Талей Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 736 с.
8. Ломакина И.Б. Глава 4. Значение нарратива в формировании символического правового универсума // Право и нарративы: моногр. / Под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М.: Проспект, 2022. С. 66–74.
9. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. 2018. № 2. С. 65–70. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-2-65-70.

Genesis of Criminal Prohibitions

Skorobogatov A.V.

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Rybushkin N.N.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the study of the genesis of criminal prohibitions in an axiological context. The relevance of the article is determined by the significance of criminal prohibitions in ensuring national security, law and order in Russia. The purpose of the article is to comprehensively study the genesis of the

criminal prohibition as a means of legal regulation of social relations in the historical and sociocultural context. Based on the adaptation of the theory of cultural criminology by J. Farrell to the study of the formation and functioning of primary prohibitions, the article concludes that the genesis of criminal prohibitions occurred in the process of sociocultural evolution and was determined by the value systems of public consciousness.

Key words: criminal prohibition, prohibitory norm, axiology of law, formation of law, law culture, mononorm, cultural criminology

